

К. О. Телин

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ В СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Обращение к категории «национальные интересы» в современных гуманитарных дисциплинах связано со значительной неопределенностью исходных понятий и идеологической ангажированностью. Несмотря на то что в западной, да и в отечественной политической науке накоплен значительный массив серьезных исследований, определяющих «национальные интересы», в современных работах эта категория появляется нечасто, предпочтение отдается изобретению новых дефиниций и установлению связей определяемого объекта с актуальными трендами реальной политики. В таких условиях «национальные интересы» нуждаются в реконцептуализации и содержательном ограничении для поддержания научного характера имеющихся дискуссий. В статье представлены основные разработки западных исследователей по вопросу определения, классификации и анализа национальных интересов. Рассмотрены ключевые позиции и направления дискуссии о природе национальных интересов. Библиогр. 19 назв. Табл. 3.

Ключевые слова: национальные интересы, международные отношения, политическая наука, мировая политика, конструктивизм, нация, внешняя политика.

K. O. Telin

THE CONCEPTUALIZATION OF NATIONAL INTEREST IN CONTEMPORARY INTERNATIONAL STUDIES

Appeal to the category of «national interests» in actual humanitites connects with great uncertainty of initial terms and ideological bias & engagement. Despite the fact there's substantial body of serious researches which have defined national interests in Russian and foreign political science, contemporary works rarely make any reference to them and prefer to invent new definitions and connect defined object with current trends of real politics. In such circumstances, national interests need to be reconceptualized and confined in order to maintain scientific nature of existing discussions. The current article presents the basic researches of Western scholars on the definition, classification and analysis of national interests. Also, author consider key positions and directions of the debate about the nature of national interests. Refs 19. Tables 3.

Keywords: national interest, international relations, political science, world politics, constructivism, nation, foreign affairs.

Как исследование, так и разработка внешней политики современного государства неотъемлемым образом связаны с использованием целого ряда понятий и категорий, определяющих само понимание поставленных задач. Из неадекватных представлений о существе рассматриваемых внешней политикой вопросов могут напрямую вытекать неэффективность дипломатии, чрезмерная затратность проводимых мероприятий, роковые просчеты в принятии частных конъюнктурных решений. Грамотная интерпретация подобных категорий, их демаркация от вульгарной политической риторики и более тщательное и валидное конструирование

Телин Кирилл Олегович — кандидат политических наук, научный сотрудник, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, 1; kirill.telin@gmail.com

Telin Kirill O. — PhD, Researcher, Lomonosov Moscow State University, 1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation; kirill.telin@gmail.com

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2016

на их основе конкретных прикладных решений, таким образом, входят в число фундаментальных предпосылок проведения стратегического внешнеполитического курса, представляющегося необходимым в условиях нестабильной международной конъюнктуры.

Несомненно, одной из ключевых категорий, о которых идет речь выше, является феномен так называемых национальных интересов. Спектр подходов к их пониманию и объяснению может поразить неискушенного читателя своей методологической широтой. Иллюстрацией тому может служить уже то, что многие исследователи до сих пор отрицают сам факт наличия национальных интересов как таковых, предпочитая рассуждать о совокупности индивидуальных или корпоративных предпочтений. Не касаясь достаточно радикальных в подобном отношении марксистских взглядов (с позиции которых национальные интересы есть искусственный инструмент отвлечения трудящихся от классовой борьбы), можно назвать здесь таких авторов, как **С. Краснер** (отождествляющего национальные интересы с государственной политикой [1]), **А. Бенгли** [2] и **Д. Трумэн** [3] (представляющих государство как зону борьбы «групп интересов»), **С. Бенн** и **Р. Питерс** (предлагающего не отождествлять «поиск общего блага» с «совместной коллективной деятельностью» [4, с. 273]).

Тем не менее теория национальных интересов, понимаемая как совокупность самых разных подходов к пониманию и исследованию данной категории, ставит перед нами несколько вопросов, значимых не только с позиции теории международных отношений, но и с точки зрения прикладных задач формирования внешнеполитического курса:

- Являются ли национальные интересы объективной реальностью или продуктом субъектного (и, следовательно, субъективного) конструирования?
- В случае, если национальные интересы задаются изначально, способны ли они к трансформации и адаптации к меняющимся условиям мировой политики?
- В случае, если национальные интересы субъективны, какие группы могут подключаться к их определению и как в итоге происходят управление внешнеполитической повесткой дня и выработка конкретных решений?
- Едины ли национальные интересы для всех государств или они как-либо разнятся?
- Если верно последнее, то в зависимости от каких условий происходят колебания?

Это далеко не полный перечень существенных моментов теории национальных интересов, но и их довольно для того, чтобы проиллюстрировать значимость и актуальность исследования последних для формирования внешней политики современной России.

Как отдельный раздел политической науки и смежных гуманитарных дисциплин, теория национального интереса появилась поздно — вплоть до XX в. понятие «национальный интерес» использовалось сравнительно редко, а представления о его содержании чаще всего укладывались в классическую парадигму, восходящую к интересам правителя, господствующей династии или сформировавшегося в Новое время «национального государства». Пережитки феодальных традиций или даже формирование жестких монархических тенденций препятствовали

осмыслению столь обширной в плане социальной инклюзивности категории, как «национальные интересы»: исключение составляли, конечно, труды французских утопических коммунистов (**Ж. Мелье**, **Г. Мабли**, **Э. Морелли**, позднее **Г. Бабеф** и **Ш. Фурье**), однако и их интересовали скорее классовые интересы, нежели диспозиции, присущие нации или обществу в целом. **Ж.-Ж. Руссо** предлагал рассматривать в качестве неотчуждаемого народный суверенитет, однако, как и представители немецкого романтического национализма (например **И. Гердер**), французский философ в значительной степени оказался заложником «чувственности» своих взглядов: как писал **Б. Рассел**, подобные теоретики «могли искренне пролить слезы при виде бедной крестьянской семьи, но <...> оставались холодны к хорошо продуманному плану улучшения участи крестьянства как класса» [5, с. 447].

Некоторые достижения в области осмысления национального интереса приписываются **Н. Макиавелли**, **Ж. Руссе-де-Мисси**, **Ж. Бодену**, **Ж. Де Сильону** и многим другим теоретикам или практикам (таким, как **А. Ришелье**), однако одним из основоположников широкого использования национальных интересов именно в научном исследовании международных отношений считается **Г. Моргентгау**, понимавший под этим феноменом «многолетний стандарт, в соответствии с которым оцениваются и направляются политические действия» [6, с. 241–242]. Для Моргентгау, одного из классиков политического реализма, такого рода стандарт неизменно раскрывается в вопросах не столько «интереса», сколько даже «могущества» или «власти»; национальные интересы становятся объективной и универсальной категорией, отстаивающей в первую очередь суверенитет государства в рамках мировой политики и его выгодное положение внутри системы ее отношений.

Для историка **Ч. Бёрда** национальный интерес — прямое продолжение развития династических интересов и постепенного формирования изолированного от общества политического аппарата, свои интересы выражающего именно через категорию национальных интересов для увеличения легитимности и признания со стороны общества [7]. Несмотря на то что взгляды Бёрда в значительной степени расходятся с воззрениями представителей плюрализма (для которых само государство чаще всего не представляет собой отдельного политического игрока, а выступает как площадка для диалога или столкновения групп интересов), в отношении тождественности «национальных» и «государственных» интересов они схожи и предполагают, что подобное тождество как раз и знаменует собой подмену общественного интереса государственным (или даже невозможность общественного интереса как такового). В представлении Бёрда, к примеру, более или менее реальный и наблюдаемый общественный национальный интерес — это благосостояние населения или приемлемый уровень его безопасности etc.

Интересным вопросом в раннем осмыслении национальных интересов как научной категории стала проблема их моральности или аморальности: под этим углом зрения национальные интересы рассматривали [8, с. 598] такие значимые, по замечанию **Р. Гуда**, для интеллектуальной традиции XX в. фигуры, как **Р. Нибур** и **Дж. Розенау**.

Р. Нибур, к примеру, предполагал, что национальные интересы не должны выполнять роль моральных императивов [8, с. 598], так как в таком случае любое государство будет представлять в качестве общечеловеческих только свои потребности и предпочтения; однако и вне моральных оценок находиться невозможно, так как

в этом случае неизбежно будет нанесен урон отношениям с дружественными странами, основанным, среди прочего, на понятных личности нравственных предписаниях и лексике «друг-брат». Дж. Розенау, в свою очередь, писал, что «определение национального интереса может быть только системой умозаключений, исходящих из аналитической и ценностной базы политики» [9, с. 37], — ценностные факторы, таким образом, едва ли не уравнивались с рациональными суждениями об интересах и потребностях страны. С такой позицией, впрочем, был не вполне солидарен **Дж. Кеннан**, автор знаменитой «длинной телеграммы», указывавший, что моральные принципы в силу своей нечеткости и абстрактности не могут быть руководством к действию, а по причине их, принципов, радикальности и нетерпимости (неготовности к компромиссу) использование таких инструментов в конфликте приведет лишь к его закреплению и эскалации [10, с. 49]. Очевидно, впрочем, что все авторы полагают моральные ограничения принципиально возможными — но лишь в качестве добровольных самоограничений, а не доминирующего принципа внешней политики. Ценности, несомненно, имеют значение на этапе легитимного определения национального интереса, его защиты и встраивания в систему принимаемых решений — дальнейшее расширение моральной составляющей практически невозможно, потому что, как указывал **В. Ван Дайк**, «интерес» в любом случае окажется контрастирующим с чьими-то установками, а провести размежевание между «ценностью» и «интересом» на национальном уровне едва ли вероятно [11].

Американский исследователь **М. Нинчич** предлагает выделять в исследовании национальных интересов как минимум два крупных методологических кластера: он обозначает их как «предполагающий подход» (*assumptive approach*) и «перечисляющий подход» (*enumerative approach*) [12, с. 31]. Нинчич указывает, что разница между ними заключается фактически в объяснении самой природы национальных интересов: представители первого подхода полагают, что возможно обнаружить некие универсальные и базовые требования национального порядка, а представители второго указывают, что возможно только перечисление тех или иных интересов, привязанных не только к стране, но и к определенному историческому периоду и внешним условиям (при этом без общего предположения о природе государства или системы международных отношений). Учитывая сложность применения и того и другого подхода, Нинчич, впрочем, делает оговорку: поскольку даже внутри конкретного государства и конкретного политического режима существует немалое количество отдельных игроков, лучшим форматом работы и для практика, и для теоретика будет исследование взаимодействия именно этих сил и потенциальное проецирование их представлений о национальном интересе во внешнеполитическую среду. Тем не менее, в отличие от сторонников теорий групповой репрезентации, Нинчич утверждает, что подобные множественные агенты находятся между собой не только в горизонтальных (равноправных) отношениях, но и в вертикальных (иерархизированных), рассмотрение которых может составить более полное и четкое представление о том, чьи интересы наиболее полно отражаются в категории интересов национальных [12, с. 43–44].

В исследовании национальных интересов можно руководствоваться и другой методологической базой, опирающейся на понимание нации в качестве субъекта, семантически и сущностно связанного с изучаемой категорией. Так, **В. С. Малахов** выводит четыре подхода к пониманию нации: примордиалистский, историцист-

ский, функционалистский и конструктивистский [13, с. 47]; стоит предполагать, что с этими подходами будут связаны и серьезные отличия в понимании национальных интересов сторонниками каждой из альтернатив (см. табл. 1).

Таблица 1. Национальные интересы, по В. С. Малахову

Подход к пониманию нации	Понимание национальных интересов
Примордиализм	Объективно существующая категория, связанная с историческими, культурными и территориальными особенностями развития произрастающего из этноса национального сообщества
Историцизм	Объективно существующая категория, связанная с некой логикой исторического развития и объективной траекторией эволюции конкретной государственности согласно предназначению
Функционализм	Искусственная категория, призванная интегрировать общество и консолидировать разрозненные усилия для достижения более широких и масштабных коллективных интересов
Конструктивизм	Искусственно определяемая категория, позволяющая конструирующему субъекту решать целую гамму различных задач — от собственной легитимации до социальной консолидации

Третий вариант общеметодологического рассмотрения национальных интересов обращается к проблемам генезиса несколько более широкого понятия — «общественные интересы» (public interest). Как отмечает **Ф. Сороф** (Sorauf), здесь может быть обозначено не менее пяти разнородных позиций [14]:

- общественный интерес как традиционно поддерживаемая ценность (commonly-held value);
- общественный интерес как наиболее широкий или основополагающий (superior) интерес;
- общественный интерес как морально-нравственный императив;
- общественный интерес как следствие баланса интересов (и как сам этот баланс);
- общественный интерес как неопределенный феномен.

Д. Нойхтерлайн, в свою очередь, подчеркивает множественность понимания национальных интересов и их сложносоставный характер. Для Нойхтерлайна национальный интерес может обозначать не только некий аналитический инструмент, но и:

- целевую составляющую внешней политики, т. е. те результаты, которые политический класс хотел бы видеть достигнутыми в обозримой перспективе;
- ценностное измерение собственной идентичности, т. е. основание общественной консолидации и гомеостазиса;
- категорию, соединяющую желания политического класса и его объективно имеющиеся возможности в единую дифференцирующую категорию;
- оправдание деятельности государства, т. е. инструмент легитимации и обоснования имеющегося внешнеполитического курса [15].

Если же касаться внутренней структуры категории национальных интересов, необходимо отметить, что Нойхтерлайн выделяет следующие ее составляющие [15, с. 248]:

- оборонные интересы;
- экономические интересы;
- идеологические (культурно-идеологические) интересы;
- интересы «мирового порядка».

Нойхтерлайн в известной степени возвращается к исходной для Ф. Сорофа точке: поскольку национальный интерес не является эмпирически наблюдаемой реальностью, а чаще представляет собой продукт сотрудничества плюралистических сообществ, которые могут представлять в качестве национальных собственных интересы, он не всегда охватывает всю совокупность глобальных и даже государственных проблем. Кроме того, Нойхтерлайн отмечает, что категории национального интереса (в рамках внешней политики) и общественного интереса (в рамках внутренней политики) вообще уместны, во-первых, только когда речь идет о суверенных, независимых государствах, а во-вторых, только в аспекте восприятия некоего результата политического процесса, который принято обозначать как достигнутую в результате пактов, конвенций и компромиссов точку согласия, которую и обозначают как «национальный интерес». С. Краснер также подчеркивал это, указывая, что трансформация политического режима может изменять перечень национальных интересов, и это представляется достаточно странной ситуацией в случае признания фундаментального характера последних.

Нойхтерлайн по этой причине приводит еще одно внутреннее разделение категории «национального интереса»: выделяются главные (major), вторичные (peripheral), жизненные (vital) интересы, а также интересы выживания (survival) [15, с. 249–250] (см. табл. 2).

Таблица 2. Национальные интересы, по Д. Нойхтерлайну

Раздел национальных интересов	Содержание	Особенности
Интересы выживания	Защита самого существования государства и связанного с ним общества	Могут достигать необходимой для «интересов выживания» интенсивности
Жизненные	Наиболее важные интересы, поддерживающие политическую, экономическую или оборонную стабильность страны	Отличие между двумя категориями состоит в некой «готовности к компромиссу»; если компромисс и соглашение с взаимной выгодой возможны, это главный интерес, если невозможны или неосознаваемы с этой точки зрения, это «жизненный интерес»
Главные	Некие ключевые темы, обсуждаемые государством и связанным с ним сообществом для поддержания своего положения	
Вторичные	Слабо связаны с интересами государства (сообщества) в целом, но затрагивают более узкие корпоративные, групповые или индивидуальные интересы	

Нойхтерлайн указывает восемь *ценностных* критериев, которые могут быть использованы для классификации интересов и обозначения сегмента, в который они так или иначе оказываются включенными:

- степень (актуализированность) опасности (proximity of the danger);
- природа угрозы (nature of the threat);

- экономический аспект (economic stake);
- эмоциональная составляющая (sentimental attachment);
- тип правительства (type of government);
- влияние на сложившийся баланс сил (effect on balance of power);
- соображения национального престижа (national prestige);
- отношения с союзниками (attitude of allies and friends).

Интересным моментом в таких представлениях Нойхтерлайна является то, что он обозначает тезис, который в своих работах выдвигал и **Б. Броуди** [16]: в современном мире национальные интересы основаны не только на логике выживания, но и на логике ответственности за некоторую часть глобальных или региональных процессов. Эта логика, выражаемая либо в балансе сил, либо в категориях союзнических отношений, либо в рамках представлений о национальном престиже, играет значительную роль в коммуникации политического класса с обществом, отражает национальные традиции, представления о чести и достоинстве (merit) и т. д.

Нойхтерлайн также выделяет восемь факторов-издержек, влияющих на построение внешней политики [15, с. 253–256]:

- экономические издержки конфликта (economic costs of conflict);
- требуемый масштаб операции (the number of troops needed);
- вероятный уровень потерь (the probable duration of hostilities);
- риски эскалации и затягивания конфликта (the risks of enlarged conflict);
- желательность (и потребность) успеха (the likelihood of success);
- состояние общественного мнения внутри страны (the reaction of domestic opinion);
- реакция мирового сообщества (world reaction);
- влияние на внутреннюю политику (the impact on internal politics).

Здесь полезно обратиться к еще одной классификации, предложенной **Дж. Франкелем**, который выделяет внутри единой в представлении обывателя категории «национальные интересы» несколько отличных друг от друга сегментов [17, с. 30–35] (см. табл. 3):

Таблица 3. Категории национальных интересов, по Дж. Франкелю

Сегмент	Интерпретация
Целевые (aspirational) интересы	Долгосрочные, исторически и культурно обусловленные интересы, не всегда напрямую влияющие на принятие внешнеполитических решений
Операционные (operational) интересы	SMART (Specific, Measurable, Achievable, Resourced and Time-oriented): операционные интересы опираются на имеющуюся конъюнктуру, они измеримы, достижимы, связаны с имеющимися ресурсами и доступным для принятия решений временным горизонтом
Полемические (explanatory, polemical) интересы	В данном случае «национальные интересы» представляют собой полемически-пропагандистскую категорию, нацеленную на объяснение и легитимацию политических решений, а также на консолидацию общества и эффективное размежевание «друг/враг» («правый/неправый»)

Сверх означенной классификации Франкель делает еще несколько уточнений: восприятие национальных интересов находится в серьезной зависимости от зло-

бодневности (salience) проблем и вызовов, пространственной (space) их широты, жизненно важного (vital) характера и, наконец, широты государственного участия в международных отношениях (scope) [17, с. 61–63]; так, он подчеркивает, что национальные интересы Боливии менее глобальны, чем у Аргентины, а аргентинские куда более сжаты, чем, к примеру, национальные интересы США. Таким образом, чем более важное место страна занимает в мировой политике, тем более пестрый спектр национальных интересов будет прослеживаться в ее политике — как с полемической, так и с целевой точки зрения.

Сложного вопроса, разрабатываемого Броуди и Франкелем, касается и **К. Холсти**. Он уделяет особое внимание тому факту, что позиционирование государства в пространстве международных отношений представляет собой совокупность структурных детерминант, и, определяя такое позиционирование как своего рода «национальную роль» (national role), отмечает следующие ее составляющие [18]:

- «исполнение роли» (role performance) — конкретное поведение, которое реализуется политическими акторами и агентами;

- «концепции национальной роли» (national role conceptions) — представления, которые стоят за этим поведением и априори задают и моделируют его;

- «ролевые предписания» (role prescriptions) — предписания, адресуемые роли со стороны окружающей среды и внешних обстоятельств;

- «ролевая позиция» (role position) — система всех предписаний, окружающих осуществление национальной роли.

По мнению Холсти, в рамках реализации внешней политики одинаково важны все перечисленные пункты, поскольку достаточно часто конкретные действия страны задаются то набором формальных требований к принятию решений (т. е. «позицией» государства), то исторически сформировавшимися представлениями о том, как именно должна вести себя страна («концепция национальной роли»). Кроме того, некоторые требования среды и обусловлены этим «статусом» — некоторой репутационной историей, которая формирует определенную картину мира и степень дифференциации участия страны в урегулировании международных вопросов, и если «позиция» всегда представляет собой не слишком сложный набор требований, часто позволяющий упростить принятие решений в типовых ситуациях и при типовых вызовах, то «статус» является куда более зыбким и расплывчатым понятием. Вместе с тем статус также сильно зависит от позиции ЛППР (лиц, принимающих решения, policymakers), которые, в свою очередь, консолидируют разрозненные позиции внутри общества и выводят из них некое результирующее «общее» (т. е., по сути, те же самые национальные интересы). Кроме очевидной трудности, заключающейся в отсутствии внутри самого общества необходимой для существования признаваемых ЛППР легитимности, есть проблема и в том, что высоко оцениваемый статус может подавлять позиционные установления и правила, слишком высоко поднимая планку для «исполнения роли» (role performance).

Главный вывод, который делает Холсти из анализа внешней политики, — это то, что курс последней может в значительной степени опираться на ролевые концепции, а конкретные деятели могут выступать в качестве «защитников» подобных ролей (статусов, репутаций). Ролевые модели становятся частью национальной культуры и порой даже диктуют политикам конкретный курс действий, хотя, ко-

нечно, они не являются абсолютно неограниченной силой: экономические реалии и индивидуальные особенности лидеров могут трансформировать восприятие ролевых моделей. Неопределенность во внутренней политике (например, во время распада государственности или образования новых структур) или внешнеполитических обстоятельствах (например, в политике Сталина в 30-е годы в отношении Германии) может вызвать игнорирование традиционных ролевых моделей или даже их трансформацию. Также Холсти подмечает, что у стран может присутствовать сразу несколько ролевых моделей, имеющих значение в качестве оправданий и аргументов при проведении различных курсов внешней политики (в отношении разных государств, в условиях отличающейся конъюнктуры).

Некоторые авторы, обсуждая категорию «национальные интересы», обращаются к достаточно известной идее социолога У. Гэлли, высказанной в 1950-е годы: по его мнению, в гуманитарных исследованиях существуют так называемые существенно оспариваемые понятия (*essentially contested concepts*) [19] — настолько высокообобщенные термины, что они в принципе не допускают не только терминологизации (установления жестко ограниченного значения, операционной непротиворечивости использования в определенных областях деятельности и ситуациях), но также и сколь-нибудь надежной конвенциализации смысла (нормативного или прагматического согласия о пределах значений слова). Подобные понятия принципиально ориентированы на постоянное генерирование новых смыслов, определяемых развертыванием дискурса и контекстами.

Однако современное положение дел не дает возможности подобным образом решить задачу концептуализации национальных интересов: в кризисных условиях последние слишком часто становятся орудием популизма и политической манипуляции, слишком часто в «изобретении» таких категорий проявляют себя неотрадиционалистские и патримониальные сценарии. Поэтому теоретическая, на первый взгляд, задача как можно более четкого определения национальных интересов приобретает совершенно особое прикладное звучание. Более того, отказ от попытки как можно более четко идентифицировать и концептуализировать национальные интересы приведет к тому, что под угрозой окажутся публичная политика и сам процесс агрегирования коллективных интересов — в условиях неопределенности понятия определение национальных интересов станет уделом одних лишь государственных институтов, далеко не при каждом режиме склонных к диалогу и поиску компромисса с обществом.

Естественно, в настоящей работе невозможно очертить некое конвенциональное понимание национальных интересов, однако главная ее цель состояла скорее в уточнении и операционализации самого их обсуждения, чтобы широко используемое в политических исследованиях понятие не оказывалось подмененным ангажированными идеологемами и политизированными лозунгами. Имеющихся на сегодняшний день наработок как отечественной, так и зарубежной науки достаточно для конструктивного и последовательного обсуждения одной из важнейших категорий международных отношений — в том же случае, если это обсуждение принимает характер политического торга, важно помнить, что такая дискуссия не имеет отношения к науке.

Литература

1. Krasner S. *Defending the National Interest: Raw Materials Investment and American Foreign Policy*. Princeton: Princeton University Press, 1978. 424 p.
2. Bentley A. *The Process of Government*. Cambridge: Belknap Press, 1967. 501 p.
3. Truman D. *The Governmental Process*. New York: Knopf, 1953. 501 p.
4. Benn S., Peters R. *Social Principles and the Democratic State*. London: Allen and Unwin, 1959. 390 p.
5. Рассел Б. История западной философии М.: Академический проект, 2009. 1008 с.
6. Morgenthau H. *In Defense of the National Interest: A Critical Examination of American Foreign Policy*. New York: Knopf, 1951. 283 p.
7. Beard C. A. *The Idea of National Interest: An Analytical Study in American Foreign Policy*. New York: Macmillan, 1934. 475 p.
8. Good R. C. The National Interest And Political Realism: Niebuhr's «Debate» With Morgenthau And Kennan // *The Journal of Politics*. November 1960. Vol. 22, N 4. P. 597–619.
9. Rosenau J. National Interest // *International Encyclopedia of the Social Sciences* / Ed. by D. L. Sills. Vol. 1. New York: Macmillan, 1968. P. 34–40.
10. Kennan G. *Realities of American Foreign Policy*. Princeton: Princeton University Press, 1954. 120 p.
11. Van Dyke V. Values and Interests // *American Political Science Review*. 1962. N 56. P. 567–576.
12. Nincic M. The National Interest and Its Interpretation // *The Review of Politics*. December 1999. Vol. 61, N 1. P. 29–55.
13. Малахов В. С. Национализм как политическая идеология. М.: КДУ, 2005. 320 с.
14. Sorauf F. The Public Interest Reconsidered // *The Journal of Politics*. November 1957. Vol. 19, N 4. P. 616–639.
15. Nuechterlein D. E. National Interests and Foreign Policy: A Conceptual Framework for Analysis and Decision-Making // *British Journal of International Studies*. October 1976. Vol. 2, N 3. P. 246–266.
16. Brodie B. *Strategy and National Interests: Reflections for the Future*. National Strategy Information Center, 1971. 38 p.
17. Frankel J. *The National Interest*. London; Macmillan, 1970. 173 p.
18. Holsti K. J. National Role Conceptions in the Study of Foreign Policy // *International Studies Quarterly*. September 1970. Vol. 14, N 3. P. 233–309.
19. Gallie W. B. Essentially Contested Concepts // *Proceedings of the Aristotelian Society*. 1956. Vol. 56. P. 167–198.

Для цитирования: Телин К. О. Концептуализация национальных интересов в современных международных исследованиях // Вестник СПбГУ. Серия 6. Политология. Международные отношения. 2016. Вып. 4. С. 78–88. DOI: 10.21638/11701/spbu06.2016.408

References

1. Krasner S. *Defending the National Interest: Raw Materials Investment and American Foreign Policy*. Princeton: Princeton University Press, 1978. 424 p.
2. Bentley A. *The Process of Government*. Cambridge, Belknap Press, 1967. 501 p.
3. Truman D. *The Governmental Process*. New York, Knopf Publ., 1953. 501 p.
4. Benn S., Peters R. *Social Principles and the Democratic State*. London, Allen and Unwin Publ., 1959. 390 p.
5. Russell B. *Istoriia zapadnoi filosofii* [A History of Western Philosophy]. Moscow, Akademicheskii proekt, 2009. 1008 p. (In Russian)
6. Morgenthau H. *In Defense of the National Interest: A Critical Examination of American Foreign Policy*. New York, Knopf Publ., 1951. 283 p.
7. Beard C. A. *The Idea of National Interest: An Analytical Study in American Foreign Policy*. New York, Macmillan Publ., 1934. 475 p.
8. Good R. C. The National Interest And Political Realism: Niebuhr's «Debate» With Morgenthau And Kennan. *The Journal of Politics*, vol. 22, no. 4, November 1960, pp. 597–619.
9. Rosenau J. National Interest. *International Encyclopedia of the Social Sciences*. Ed. by D. L. Sills. Vol. 1. New York, Macmillan Publ., 1968, pp. 34–40.
10. Kennan G. *Realities of American Foreign Policy*. Princeton, Princeton University Press, 1954. 120 p.
11. Van Dyke V. Values and Interests. *American Political Science Review*, 1962, no. 56, pp. 567–576.

12. Nincic M. The National Interest and Its Interpretation. *The Review of Politics*, December 1999, vol. 61, no. 1, pp. 29–55.
13. Malakhov V.S. *Natsionalizm kak politicheskaya ideologiya* [Nationalism as a political ideology]. Moscow, KDU Publ., 2005. 320 p. (In Russian)
14. Sorauf F. The Public Interest Reconsidered. *The Journal of Politics*, November 1957, vol. 19, no. 4, pp. 616–639.
15. Nuechterlein D.E. National Interests and Foreign Policy: A Conceptual Framework for Analysis and Decision-Making. *British Journal of International Studies*, October 1976, vol. 2, no. 3, pp. 246–266.
16. Brodie B. *Strategy and National Interests: Reflections for the Future*. National Strategy Information Center, 1971. 38 p.
17. Frankel J. *The National Interest*. London, Macmillan Publ., 1970. 173 p.
18. Holsti K. J. National Role Conceptions in the Study of Foreign Policy. *International Studies Quarterly*, September 1970, vol. 14, no. 3, pp. 233–309.
19. Gallie W.B. Essentially Contested Concepts. *Proceedings of the Aristotelian Society*, 1956, vol. 56, pp. 167–198.

For citation: Telin K.O. The conceptualization of national interest in contemporary international studies. *Vestnik SPbSU. Series 6. Political science. International relations*, 2016, issue 4, pp. 78–88.
DOI: 10.21638/11701/spbu06.2016.408

Статья поступила в редакцию 25 июня 2016 г.;
рекомендована в печать 19 октября 2016 г.